T25 4/249

T25 1/249

Шатобріанъ останавливается надъ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ; оно было поворотнымъ пунктомъ въ его умственной и политической жизни, оно навсегда разсорило Шатобріана съ революціею и ея началами. Самый рас... этого событія обличаетъ руку мастера; всѣ лица д... нарисованы отчетливо и ясно, если и не всегда вѣр...; притомъ, это не фантастическіе образы, а дѣйствительно люди съ плотью и кровью. Въ томъ-то и заключается главное достоинство историческаго писателя.

«*Записки* далеко еще не достигли конца, но они дошли уже до той точки, гдѣ можно вполнѣ оцѣнить ихъ достоинства. Обиліемъ содержанія и красотою формы они безспорно превосходятъ всѣ современныя произведенія Французской литературы, и если конецъ соотвѣтствуетъ началу, то это произведеніе будетъ принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ твореній ума человѣческаго, которыя составляютъ наслажденіе образованныхъ людей всѣхъ временъ и народовъ.»

Жаль, замѣтимъ мы при этомъ, что *Записки* не нашли у насъ себѣ достойнаго переводчика; переводы, печатаемые въ нашихъ журналахъ, очень посредственны, чтобы не сказать плохи.

2400/1

409662

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЕ ГОРОДСКІЕ РЯДЫ И ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

Какъ положеніе Москвы въ нѣдрахъ раждавшагося государства дало ей всѣ преимущества быть сердцемъ Россіи; такъ и положеніе ея на перекресткѣ древнихъ промышленныхъ, сухопутныхъ сообщеній запада съ Болгаромъ, складомъ восточныхъ богатствъ на Волгѣ, и юго-востока съ сѣвероиъ, искони предназначило ее быть житницей и казною сокровищъ земли Русской. Въ четырнадцатомъ столѣтіи Москва уже славилась богатствомъ и торговлею. Описывая расхищеніе Москвы Тохтамышемъ, въ 1382 году, лѣтопись говоритъ: «*прежѣ вѣкѣ туденъ градъ, и многое множество людей бяше въ немъ, кипяше богатствомъ и славою, превзыде вся грады Русской земли.*» Послѣ паденія Новгорода и завоеванія Царства Казанскаго, вся торговая ихъ дѣятельность и прямыя сношенія съ Востокомъ и Западомъ сосредоточились въ Москвѣ. Въ это же время побѣды Магометанъ заперли всѣ пути Левантской торговли, и промышленному Западу оставалась одна возможность пріобрѣтать сокровища Азіи чрезъ посредство Москвы.

Не смотря на истребительные пожары, Москва быстро возрождалась изъ пепла. Послѣ пожаровъ въ XV столѣтіи, въ 1580 году, по составленной въ то время описи, по указу В. К. Василія Іоаннвича, считалось уже въ Москвѣ 41,500 домомъ. Деревянная ограда Скородома, бывшая на окруженіи теперешней *Садовой улицы*, выстроена въ 1591 г.,

при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; но вѣроятно это было возобновленіе послѣ пожара въ 1571 ибо, когда, по словамъ Олеарія, съ разсказовъ жителей, до 1571 года стѣна Скородома тянулась ни 5 миль, т. е. 35 верстъ. Послѣ совершеннаго истребленія въ 1571 году, во время нашествія Девлетъ-Гирея, когда въ стѣнахъ Московскихъ погорѣло болѣе 800,000 стѣсненнаго Татарами въ огонь народу,* въ началѣ XVII столѣтія, по сказанію Бера, считалось до 3,000 однѣхъ церквей, а въ 1630, послѣ уже сожженія Китая-города и Бѣлаго-города Поляками, въ 1611 году, по словамъ Олеарія, болѣе 2,000 храмовъ **.

Это быстрое возрожденіе Москвы, которому мы были очевидцы послѣ Двѣнадцатаго года, есть слѣдствіе могучаго сосредоточія въ ней Русской жизненной силы и торговой промышленности; и не даромъ Императрица Екатерина называла Москву *цѣлымъ міромъ*.

Обширные торговые обороты, сказъ произведеній природы, земледѣлія и ремесла со всей Русской земли и разнородныхъ иноземныхъ товаровъ со всѣхъ сторонъ свѣта, требовали постояннаго, удобнаго и безопаснаго мѣста для склада. Искони это торжище Москвы было — Китай-городъ, гдѣ съ давнихъ временъ были ряды, лавки, подворья всѣхъ главныхъ торговыхъ Русскихъ городовъ, посольскій дворъ для пословъ иноземныхъ и *гостиный дворъ*, для иноземныхъ гостей—купцовъ, пріѣзжавшихъ съ товарами.

Зданіе гостинаго двора строилось Царскою казною и составляло ея доходъ; гости въ казнѣ и нанимали въ немъ лавки и палатки; но часто доходы съ лавокъ гостинаго двора давались въ награду дворянамъ Царскимъ за службу, точно также какъ *помѣстныя земли, или дачи*, на извѣстное время, по жизнь или въ отчину—т. е. въ наслѣдіе.

Въ началѣ уже XVI столѣтія, гостиный дворъ былъ каменный,*** и, безъ сомнѣнія, съ самаго учрежденія его иначе

---

* Ист. Г. Р. Т. IV. прим. 556.

** Не упоминаемъ о бывшемъ въ Москвѣ при Годуновѣ, Петреѣ, который пишетъ, что въ Москвѣ 4500 церквей съ придѣлами, кромѣ 50 въ Кремлѣ; по Musskow-Reise въ Кремлѣ 35, въ Москвѣ 5300.

*** Herberstein.

не могло быть; потому что иначе пріѣзжіе купцы для храненія товаровъ нанимали бы *палати* или палатки въ каменныхъ храмахъ, какъ это водилось нѣкогда.

Религіозное родство Руссовъ съ Греками сблизило и утвердило взаимныя торговыя сношенія. Образцомъ гражданскаго развитія, общественности, удобствъ и роскоши жизни былъ Царьградъ, и это продолжалось до покоренія его Турками, когда всѣ искусства и художества Греціи бѣжали въ Италію, какъ нѣкогда боги золотаго вѣка въ Египетъ. Промышленная Венеція преимущественно привлекла къ себѣ художниковъ и все ремесленное образцовое производство. Если бы иго Монголовъ не тяготѣло уже надъ Россіей, весь этотъ міръ переселился бы на ея почву. Только со времени Іоанна III, возстановившаго самобытность Россіи, ожила въ ней и дѣятельность духа и промысла. Понадобились снова образцы и учители; но духовная Грецiя хранилась уже только въ духовномъ санѣ; а развитіе ея художественнаго міра смѣсилось съ духомъ Италіи. Представители этого міра были уже Греко-Италіанцы. Ихъ и призвали. Но и до этого времени возрожденія, Россія не оставалась безъ существенно необходимыхъ ремеслъ и искусствъ, хотя и остававшихся на той степени совершенства, на которой застигло ихъ паденіе Константинополя. У насъ сохранялась еще школа Греческой храмовой живописи, были мастерскія золотошвейнаго, сканнаго, обоннаго и финифтянаго дѣла, литейные заводы, суровскія или шелковыя и суконныя фабрики, чему служатъ доказательствомъ слова лѣтописи подъ 1382 годомъ: «сущихъ во градѣ (въ Москвѣ) *сурожанъ*, * суконниковъ и купцовъ и всѣхъ людей храмы наполнены суть богатства и всякаго товару....» Во время Ѳеодора Іоанновича, на дворѣ Царскомъ была фабрика для тканія парчи, штофа и бархата. Управлялъ ею Венеціанецъ Марко Чинопи.

«Всѣ Русскіе ремесленики превосходны, — пишетъ Маскевичъ (въ 1610 году), весьма искусны и такъ смыш-

* Отъ названія суроваго шелку *сырцемъ* — названіе *суровскіе*, т. е. сырцовые (sericum) ряды, и слово *сурожане*, т. е. шелковники.

лены, что все, чего съ роду не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ малолѣтства привыкли, въ особенности Турецкія вещи: чепраки, сбруи, сѣдла, сабли съ золотою насѣчкою. Всѣ эти вещи не уступятъ настоящимъ Турецкимъ.»

Дѣйствительно, старинная Русская выковка булата не уступала восточной.

Кромѣ этого были и полотняныя фабрики, на которыхъ ткали полотно, скатерти и убрусы (платки). По сказанію Кошихина, для *Царскаго обихода* занимались тканьемъ на Москвѣ слобода Кадашева и въ 350 верстахъ слобода Брентова, которыхъ подать и состояла въ этомъ производствѣ.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ Россіи издавна цѣлые города и слободы какъ будто были посвящены разнымъ искусствамъ и ремесламъ, славились ими и передавали изъ рода въ родъ. Такъ Суздаль славился иконописью, Троицкій посадъ точеньемъ, рѣзкою и выдѣлкой деревянныхъ сосудовъ; Устюгъ сканью и производствомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ наводомъ черни; Торжокъ сафьянной златошвейной обувью; Вологда сальными заводами; Муромъ калачами; Коломна постилой; Калуга пряным тѣстомъ; Вязьма пряниками; Тула оружейнымъ мастерствомъ, и пр. и пр. Москва сосредоточивала въ себѣ всѣ эти разсѣянныя по Россіи производства. Каждый городъ имѣлъ въ Китай-городѣ свое подворье и свой рядъ лавокъ. Это было причиною, что косметическихъ магазиновъ не было, и торговля производствомъ одного ремесла не мѣшалась съ другою.

«Площадь передъ Кремлемъ, — пишетъ Олеарій (въ 1630 году), есть главный рынокъ города. Въ продолженіе цѣлаго дня тутъ кишитъ народъ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и всѣ примыкающія къ ней улицы. Но каждое ремесло имѣетъ свою улицу (рядъ) и свой кварталъ (четь); такъ что купцы, торгующіе шелкомъ, не мѣшаются съ продавцами сукна и полотна, ни золотыхъ дѣлъ

мастера съ сѣдельниками, сапожниками, портными, мѣховщиками, или другими ремесленниками. Каждое производство и каждое ремесло имѣетъ свою улицу. Въ срединѣ рядовъ, въ лавкахъ съ бѣльемъ, сидятъ торговки. Въ *образномъ* ряду не продаются, но мѣняются безъ всякаго торга образа. Есть также *пушной рядъ*, который завѣленъ пуховыми матрацами.

«Церковь Пречистой Казанской Божіей Матери построена близъ ряда, гдѣ ножевщики имѣютъ свои лавки.»

Изъ этого описанія видно, что ряды искони имѣли почти то же расположеніе, какъ и теперь.

Гостиный дворъ, предназначенный для *гостей* въ старомъ значеніи слова, когда купечество наѣзжало въ города въ опредѣленное торговое время, издавна существовалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь; но исключительно для иноземныхъ купцовъ.

Послѣ пожара въ 1626 году, когда сгорѣлъ и гостиный дворъ, хотя обнесенный каменною стѣною, но вѣроятно съ деревянными лавками, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, въ тотъ же годъ, указалъ окольничему Князю Григорью Константиновичу Волконскому «устроить разнаго званія ряды на гостиномъ дворѣ, лавкамъ быть по прежнему.»

Этотъ такъ называемый *старый* гостиный дворъ конченъ въ 1641 году, какъ видно было изъ существовавшей надписи надъ воротами двора противъ церкви великомученицы Варвары:

«Божіею милостію, повелѣніемъ благочестивѣйшаго и христолюбиваго Государя, Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи Самодержца, и сына его великаго и христолюбиваго Царевича и В. К. Алексѣя Михайловича, всея Руссіи Самодержца; лѣто отъ созданія міра 7149 (1641).»

По плану, приложенному къ путешествію Мейерберга, и описанію Москвы въ бытность его въ ней, съ 25 Мая 1661 по 6 Мая 1662, это зданіе было съ башней надъ воротами со стороны Варварки. Изъ сохранившихся документовъ временъ Царя Алексѣя Михайловича видно, что съ 1661

года строился также гостиный дворъ, конченный 1664 года;* но составляло ли это возобновленіе стараго гостинаго двора или пристройку къ нему, нельзя опредѣлить, не смотря на существовавшую новую надпись надъ воротами, на которой означено было построеніе гост. двора въ 1664 году.

Спустя около ста двадцати лѣтъ, зданіе такъ обветшало, что то тамъ, то сямъ грозило паденіемъ. Покуда тянулось дѣло о разломкѣ стараго гостинаго двора и о постройкѣ новаго, было предписано: «строжайшее наблюдать, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, которыя угрожаютъ паденіемъ, ни проѣзду, ни торгу не было.» Въ 1789 году рѣшено было наконецъ продать гост. дворъ купечеству съ аукціона по частямъ. Съ 1794 года застроенъ нынѣшній гостиный дворъ, приведенъ къ окончанію въ 1805 году, и возобновленъ послѣ пожара въ 1812 году. На время постройки новаго гостинаго двора владѣльцамъ лавокъ отведены были мѣста на Красной площади, подлѣ Кремлевской стѣны. Съ 1786 года тутъ и выстроенъ былъ рядъ каменныхъ лавокъ, который въ послѣдствіи и былъ уничтоженъ. Лавки перенеслись въ новый гостиный дворъ, а мелочные торговцы, кочевавшіе въ палашахъ по Красной площади и Ильинкѣ, помѣщены въ линіи шкафовъ, составившую фасадную стѣну гостинаго двора, противъ ножевой линіи и питейныхъ погребковъ, существовавшихъ тутъ изстари и украшавшихся навѣсами, съ подвѣсками изъ цвѣтной крашенины.

Кромѣ существенныхъ произведеній почвы Россіи, составляющихъ прочное ея богатство, дорогіе мѣха были однимъ изъ прибыльнѣйшихъ сбытовъ Москвы за границу. «Въ Москву, во время зимы, —пишетъ Контарини, въ 1473 году, — съѣзжается множество купцевъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, — собольихъ, волчьихъ, горностаевыхъ, бѣличьихъ, рысьихъ. Мѣха эти добываются не въ самой Московіи, а гораздо далѣе на сѣвѣро-востокъ, но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу.»

* Матеріалы полной и сравн. стат. Москвы. М. Гастева.

«Москвитяне,—пишетъ Павелъ Іовій, въ 1525 году,—отпускаютъ въ Европу лучшій ленъ, коноплю для канатовъ, воловью шкуру и множество воску. У нихъ нѣтъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ этихъ сокровищъ, щедро вознаградила за то богатыми и рѣдкими мѣхами, которые въ наше время, по значительному на нихъ требованію, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоитъ не менѣе тысячи золотыхъ монетъ.»

Описывая Московскіе ряды и казенный гостиный дворъ, не излишнимъ будетъ объяснить различіе торговли прежнихъ временъ съ настоящей. Древняя наша внутренняя торговля была собственно ярмарочная; каждый производитель, земледѣлецъ, ремесленникъ, платя подать собственно своимъ произведеніемъ, везъ его въ извѣстное время года на ближайшую ярмарку или въ городъ, — торговалъ на возу, раскидывалъ палатку, или заводилъ лавку. Внѣшняя, оптовая или сложная торговля была собственно Царская, до временъ Петра Великаго. Собственно *гостями* назывались пріѣзжіе изъ другихъ странъ торговые люди, и тѣ изъ посадскихъ людей, которые, по знанію какого-либо рода промысла, избирались на Царскую службу по внѣшней торговлѣ и посылались съ товарами въ иностранныя земли. Изъ нихъ собственно и составлены были гостиная и суконная сотни. За доставленную прибыль по Царской службѣ и радѣніе, давалось имъ въ награду почетное званіе *гостя*, съ правомъ на вольный промыслъ и на откупъ нѣкоторыхъ статей казенной, внутренней и внѣшней торговли.

Статьи Кошихина о *гостяхъ* и *торговлѣ Царской*, въ сочиненіи его «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», болѣе пояснятъ этотъ предметъ:

«1. Гости; и въ тѣхъ гостѣхъ бываютъ изъ торговыхъ людей, гостиной и суконной сотенъ, и изъ посадскихъ людей. А бываютъ они гостинымъ имянемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ въ вѣрныхъ головахъ и въ цѣловалникахъ у соболиные казны, и въ таможняхъ, и на

кружечныхъ дворѣхъ; и торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ; и волно имъ въ домѣхъ своихъ, про свой росходъ, держати питье, и варити и курити, чрезъ цѣлый годъ, также волно и вотчину купити, и держати, и подъ закладъ имати. И будучи въ гостѣхъ, потому жъ бываютъ въ царскихъ службахъ, по перемѣнамъ, у соболиные казны и у денежныхъ сборовъ въ головахъ и во дьяцѣхъ. А будетъ ихъ близко 30 человѣкъ; а торги своими торгуютъ въ году всякой человѣкъ на 20.000 и на 40.000 и на 50.000 и на 100.000 рублевъ.

«2. Гостиная, суконная сотни, устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ у сборовъ царскіе казны, съ гостми въ товарищахъ, въ цѣловалникахъ, и торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ, и питье всякое въ домѣхъ своихъ велѣно имъ держать, безъ заказу; а крестьянъ купити и держати имъ заказано. А будетъ ихъ съ 200 человѣкъ.

«3. Московскіе торговые люди устроены сотнями и слободами, также и во всѣхъ городѣхъ посадскіе люди устроены слободами жъ: и бываютъ погодно выбираны въ царскіе службы, въ таможни, и на кабаки, и къ инымъ промысломъ, въ вѣрные головы и въ цѣловалники; а иные таможни, и кабаки, и всякіе поборы, откупаютъ они изъ царскіе казны на свои денги.

«4. А торгуютъ они всякихъ чиновъ торговые люди, на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, всякими торговыми промыслы. И противъ той ихъ торговли и промысловъ положено царское тягло, на всякой годъ, со всякого города, что доведется взяти, окладами: и тѣ всѣ вышеписанные чины, на кого что положено, смѣтяся сами межъ собою по своимъ промысломъ и животомъ, съ кого что взяти, положатъ на себя сами межъ собою; а кому чего не въ мочь платить, сбавливаютъ и накладываютъ на иныхъ — и выбраны у нихъ бываютъ для такихъ дѣлъ старосты. А собравъ по указу и по окладу денги, отдаютъ въ Приказѣхъ и въ городѣхъ воеводамъ, и сами привозятъ къ Москвѣ.

«А питья имъ посадскимъ людемъ, кромѣ гостей и гостиные и суконные сотенъ, въ домѣхъ своихъ держати не велѣно. А когда лучится имъ купити вина, или пива сварить, или меды ставить, для своего надобья, и тогда бьютъ челомъ царю: и имъ повелѣно держати на указные дни и недѣли, и платятъ съ того питья въ царскую казну пошлины, по указу. А заказано имъ то питье держати для того, чтобъ утаясь на сторону не продавали, и въ домѣхъ своихъ корчмы и наложства не чинили. А понадобится имъ варити красъ, или медъ поставить, или на ѣжу смолоть ржи, или чего иного, или быка, или корову и свинью и овцу убить, не на продажу: и то волно, и пошлинъ царскихъ съ того не платятъ никакихъ.

«5. А кому гостемъ, или торговымъ и посадскимъ людемъ, лучится на какихъ либо людехъ чего искати и отвѣчати: и имъ велѣно искати, на Москвѣ и въ городѣхъ, у бояръ и у воеводъ и у приказныхъ людей, гдѣ кто вѣдомъ и судимъ; а своихъ у нихъ судовъ ни въ какихъ дѣлѣхъ не бываетъ.

«6. А которой человѣкъ гость и торговой человѣкъ, будучи въ головствѣ въ таможнѣ и у иныхъ сборовъ и у продажи и у соболиные и иные казны, въ которомъ году-годъ передъ годомъ казны соберетъ болши: и имъ за тое службу отъ царя бываетъ похвала, и бываетъ имъ жалованье, по кубку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камкѣ; а товарищамъ ихъ цѣловальникомъ по ковшу же серебряному, да по сукну и по тафтѣ, смотря по прибыли и по человѣку.

«7. А будетъ которой гость, или иной человѣкъ, будучи у сбора или у продажи, передъ старыми годами прибыли соберетъ менши прошлого году, своимъ нерадѣніемъ, гуляніемъ, или пьянствомъ: и тое прибыль, которой было быть въ которомъ году, счотчи противъ иныхъ городовъ прибылей, берутъ на нихъ на самихъ; да сверхъ того бываетъ наказаніе кнутомъ. А будетъ они вѣрные головы и цѣловальники и истинны не соберутъ сполна, за дороговью,

или за инымъ чѣмъ нибудь, а не своимъ нерадѣніемъ: и такимъ за такіе дѣла не бываетъ ничего.» (*Гл. X*)

«1. У Архангелского города торговля—хлѣбомъ, пенкою, поташью, смолчюгою, шелкомъ сырцомъ, ревенемъ. А собираютъ тотъ хлѣбъ въ Поморскихъ и въ Понизовыхъ городахъ, съ уѣздныхъ черныхъ слободъ съ крестьянъ, и закупаютъ тотъ хлѣбъ и пенку во многихъ городѣхъ, на царскіе казенные денги изъ Приказу Болшого Приходу; и съ пріѣзжими иноземцы мѣняютъ на всякіе товары, и продаютъ на денги. Поташные и смолчюжные заводы — учинены буды въ царскихъ дикихъ лѣсахъ, на Украйнѣ, также и бояръ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей, и гостей и торговыхъ людей, буды учинены въ тѣхъ же и въ иныхъ царскихъ лѣсахъ, на откупу; а сверхъ откупу на царя берутъ поташи и смолчюги десятую бочку. И тѣ товары, хлѣбъ, пенку, поташъ, смолчюгу, провадятъ къ Архангелскому городу на царскихъ ямскихъ подводахъ, и наймуютъ. Ревень присылается изъ Сибири, собираютъ съ таможилцовъ.

«2. Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы, что остается за дворцовымъ обиходомъ; также и соль ломаютъ и варятъ и возятъ, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, до Казани и до Нижнего и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остается за царскимъ росходомъ, на Москвѣ и въ городѣхъ продаютъ всякого чину людемъ.

«3. Съ Персидскими купчинами — шолкомъ, сырцомъ и варенымъ, и всякими тамошними товарами, въ Астарахани и въ Казани и на Москвѣ. А цѣнятъ тѣ Персидскіе товары по тамошней ихъ цѣнѣ, по чему купятъ въ Персіи, а на Москвѣ за тѣ товары даютъ изъ царскіе казны соболи и иную мягкую рухлядь, противъ роздачи съ прибавкою. А какъ тѣ купчины бываютъ въ Астарахани, и въ Казани, и на Москвѣ: и имъ дается до поѣзду ихъ царское жалованье, кормъ и питье, и суды, въ чемъ имъ ѣхать водою, и гребцы, безденежно.

«4. Гречаня — пріѣзжаютъ къ Москвѣ ежегодь и привозятъ съ собою товары всякіе: сосуды столовые и пи-

тейные, золотые и серебряные съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, и золотные портища, и конскіе наряды, сѣдла и муштуки и узды и чапраки со всякимъ каменьемъ, и царицѣ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники и серги и перстни съ розными жъ каменьи, не малое число.

«А пріѣхавъ тѣ товары царю подносятъ они въ дарѣхъ; а послѣ того тѣ товары цѣнятъ торговые люди, иноземцы и мастеры, по тамошней Турецкой оцѣнкѣ: а вмѣсто того дается имъ соболми жъ и рухлядью. И такихъ товаровъ на всякой годъ покупается множество, потому что бояромъ и иныхъ чиновъ людемъ купити окромѣ царя никому волно, а въ царскую казну приходятъ они якобы даромъ.

«А бываетъ тѣхъ Гречанъ на годъ по 50 и по 100 человѣкъ, и живутъ на Москвѣ для продажи многіе годы; и дается имъ кормъ и питье доволное. А которые товары подносятъ они царю, а въ царскую казну тѣ товары не годятся: и имъ тѣ товары отдаются назадъ, и волно имъ продавати всякого чину людемъ.» (*Гл. XII*)

Изъ свѣдѣній Кошихина видно, что иностранные гости или купцы, пріѣзжавшіе въ Москву, получали царское содержаніе или *мѣсячину*—«*кормъ питье и суды*, въ чемъ имъ ѣхать водою и гребцы, безденежно.» Въ отношеніи пословъ было то же. Любопытно замѣтить, что это тѣ же самыя условія содержанія пословъ и гостей на Царскій счетъ, какія были въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками, слишкомъ за 700 лѣтъ.

«И приходящимъ имъ (посламъ и гостямъ) да витаютъ у св. Мамы (подворье Русское между стѣнами Царьграда и Босфоромъ, гдѣ былъ монастырь этого имени); да послеть царство наше да напишеть имена ваша, тогда возмуть *мѣсячное свое*: сѣли слебное (послы посольское), а гостье мѣсячное.... и отходящеи Руси отсюда, въземають отъ насъ еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ людямъ, *якоже суставлено* есть преже.»

Такимъ образомъ исконные условія и обряды торговли внѣшней и внутренней продолжались у насъ до са-

маго преобразованія. Различіе и противоположность велики когда вникнуть въ сущность. Въ старомъ значеніи, торговое сословіе есть также одинъ изъ органовъ тѣла; а не что-то отдѣльное, живущее своей жизнью, размножающееся въ организмѣ на счетъ силъ его, посредствомъ возбужденія.

Говоря про нравственное различіе прежняго гостинаго двора съ новымъ, можно во-первыхъ привести слова Карамзина:

«Гостиный дворъ (въ 1520) *прельщалъ глаза* не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ.» Въ XVII еще столѣтіи, какъ мы замѣтили изъ Олеарія, различные товары не мѣшались другъ съ другомъ; каждый имѣлъ свой рядъ, не только что лавку. Косметическихъ магазиновъ не было, долго были они намъ не по рукѣ. Колоніальная смѣшенная торговля Европы подѣйствовала соблазнительно и на старинную смиренную простоту городскихъ лавокъ. Всѣ онѣ нарохтятся въ магазины. Бывало чай терпѣть не могъ ничего подлѣ себя, кромѣ сахару; а теперь якшается даже съ жуковскимъ табакомъ, греческимъ и казанскимъ мыломъ, не только что съ спиртомъ, настоеннымъ гвоздикой, и саломъ, напитаннымъ розовымъ масломъ. Въ ножевой линіи можете купить всякую модную *ветошь*, а въ ветошномъ ряду ножи.

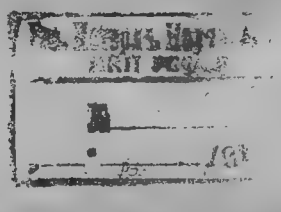
О живописныхъ, картинныхъ вывѣскахъ и златыхъ надписяхъ и понятій не имѣли. Да и не нужно было; обширность торговли купца зависѣла отъ обширности его знакомства. Каждый купецъ старался завести свой приходъ и постоянныхъ прихожанъ — покупщиковъ, вѣрующихъ въ его *право-слово*.

Старинная привычка сидѣльцевъ, съ поклонами зазывать всѣхъ проходящихъ къ себѣ въ лавку, и исчислять наизустъ всѣ товары, еще не вывелась изъ употребленія, точно также, какъ и запрашиванье въ три-дорога; но это не мѣшаетъ: одно что-то въ родѣ учтивости; а другое въ родѣ науки знать цѣну товарамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и средство, возбуждающее покупщика и продавца къ взаимной

бесѣдѣ, и пріятно волнующее, одного надеждой подешевле купить, а другаго — подороже продать.

Ни на Востокѣ, ни на Западѣ нѣтъ этого обычая. На Востокѣ пришелъ на майданъ, взялъ товаръ, положилъ, не говоря ни слова, передъ бородатымъ истуканомъ, курящимъ трубку, слѣдующую и искони извѣстную цѣну, и — съ Богомъ пошелъ домой, А на Западѣ: вошелъ въ магазинъ, чтобъ купить что-нибудь дѣльное, накупилъ бездѣлокъ, заплатилъ вмѣсто слѣдуемой цѣны prix-fixe,—и только можешь поморщиться и подумать: за чтожъ это я заплатилъ деньги? За товаръ?—товару на грошъ. За трудъ? — трудилась машина. Я заплатилъ деньги за наемъ великолѣпнаго магазина, за содержаніе его, за украшеніе его, за озареніе его солнечными лампами и газомъ, за бенефисъ, слѣдующій имянитому фабриканту, за бенефисъ, слѣдующій знаменитому коммиссіонеру, который не можетъ же жить безъ утонченныхъ аристократическихъ комфортовъ, за жалованье швейцару, словомъ, за барничанье. И что такое prix-fixe? — мертвая цѣна. У насъ она движется на обширномъ пространствѣ 1 : 10; и сколько тутъ жизни: то купецъ радуется, что въ три-дорога продалъ; то покупщикъ въ восторгѣ, что купилъ за *ничто, почти даромъ*.

А. В.



КОПИРОВАНИЕ
17.11.03.